— Это замечательно с твоей стороны, — улыбнулась она.

Моя мать была красивой женщиной в своем платье без рукавов с высоким воротом. Оно было такое же, что и у меня, но у нее было лососево-розовое. Светлые волосы мамы были коротко подстрижены и уложены так же, как у Первой Леди. Моя мама считала Джеки Кеннеди утонченной, элегантной женщиной, подходящей моделью того, как следует одеваться и вести себя.

Я наклонилась и быстро поцеловала ее в щеку. И чуть не хихикнула. Я только что этими губами сосала хуй, а теперь целовала ими маму в щеку. Она бы никогда не стала сосать хуй. Она никогда не откроет для себя те радости, которым я уже научилась наслаждаться.

У меня был секрет, который заставлял меня чувствовать себя гораздо больше женщиной, чем моя мать, хотя она была вдвое старше меня.

Мы болтали и сплетничали, я со своими подругами, но никто из них не знал о моем сексуальном пробуждении. Они думали, что я всё еще такая чистая, такая невинная. Я изобразила улыбку, притворяясь дочерью доброго проповедника, в то время как мои трусики все еще были мокрыми от моих развратных действий. Я наслаждалась этим ощущением, когда села в первом ряду рядом с мамой.

Пел хор, читались молитвы, и все причастились. По мне пробежала похотливая дрожь, когда я съела крекер и отхлебнула виноградного сока — мы не употребляли вино, как католики. А потом мой отец взошел на кафедру и произнес свою проповедь.

— Брак во всем честен, и постель непорочна; но блудников и прелюбодеев Бог осудит, — прогремел мой отец, его лицо было суровым и таким красивым. Его руки сильно вцепились в край кафедры, он был одет в свое черное облачение, белый накрахмаленный воротник обхватывал его горло. — Евреям 13:4. — Он пристально посмотрел на толпу. — Даже в этот зал проникают грехи плоти. Мы должны быть бдительны, оставаться чистыми в отношении обетов, которые мы дали перед Богом, нашей приверженности ему. Для брака…

Я улыбнулась, слушая его. Он был таким лицемером, выступал против того самого проступка, который совершил в этой же самой церкви. Я посмотрела налево, где рыжеволосая Донна сидела рядом со своим мужем, кивая головой, словно соглашаясь со всем, что он говорил.

Неужели она представляла себе, каково это — прелюбодействовать с моим отцом? Была ли ее пизда сейчас влажной и сочной и жаждала его хуя?

Шлюха.

Я облизнула губы, наслаждаясь вкусом спермы ее мужа, когда повернулась и кивнула в ответ на проповедь моего отца. Он был таким сексуальным мужчиной. Такая страсть в голосе, в лице. Та же страсть, с которой он ебал эту шлюху.

И моя мать ни капельки этого не оценила.

После проповеди моего отца, которая оставила меня "мокрой", с зудом в одном месте, и жаждущей совершить еще больше грехов, тарелка для сбора пожертвований прошлась по кругу. Моя мать сунула мне хрустящую купюру в 5 долларов, чтобы я сделала пожертвование. Для меня это никогда не имело смысла. Жалованье моего отца выплачивалось из десятины. А теперь моя мать дает мне из неё 5 долларов, чтобы я бросила их обратно в тарелку для сборов.

Бесконечный цикл.

Пока я ждала эту тарелку, я вложила записку, которую написала ранее, в сложенные 5 долларов, и вздрогнула, когда бросила ее в латунную тарелку, отделанную красным бархатом, которая присоединившись к банкнотам, чекам и монетам. Я передала тарелку своей матери, которая оставила там чек. После сборщики возьмут тарелку и отнесут в казначейство церкви.

Там моя записка будет обнаружена.

Горячая дрожь пронзила меня, когда служба закончилась. Я терпела бесконечную болтовню моих подруг, моя плоть была огненно горячей. Мама ушла устраивать обед после службы, а я осталась, пообещав привести в порядок аудиторию, пока отец будет заниматься своими обязанностями.

Как только я смогла, я выскользнул из молельного зала и направилась в раздевалку. Она была предназначена для крещения. Дверь справа от кафедры вела в нашу купельную для крещения, другая — в служебные коридоры. В комнате было темно, без окон. Имелась самодельная вешалка для одежды, на которой висели саваны для крещения, все чисто белые, вместе с запасными вешалками.

Я разделась.

Это было так рисковано — быть голой в церкви. Мои соски были такими твердыми на кончиках моих подпрыгивающих грудей, когда я двигалась по комнате, платье было аккуратно повешено вместе с саванами для крещения. Я вздрогнула, соки моей киски потекли по бедрам, когда я проскочила через комнату и выключила свет.

Затем я подошла к маленькому столику в углу комнаты, единственный свет проникал через щель в нижней части двери. Я села на стол, откинулась на локти и стала ждать, когда найдут мою записку.

Облизнула губы, возбужденный румянец пробежал по моему телу. Я написал записку правой рукой, чтобы замаскировать ее, и, чувствуя себя очень распутной, поцеловала ее, оставив на ней ярко-красный отпечаток своих губ. Это было что-то очень знойное.

Записка была проста:

Я видела тебя с Донной Пакстор. Я — горячая и уже влажная и очень жажду твоего хуя. Найди меня в раздевалке для крещения.

Я провела пальцами по тонкому пушку волос, покрывающему мою влажную щель, уже напоминающую лужицу, держась подальше от моей зудящего клитора. Я не хотела сейчас мастурбировать. Я хотела, чтобы предвкушение нарастало и нарастало, делая меня еще горячее. В кабинете моего отца, он сам считал десятину, подсчитывая, сколько пожертвований был дано церкви, работал с гроссбухом. Церковь не могла позволить себе казначея, так что моему отцу пришлось выполнять его работу.

Я прикусила губу, накручивая свои светлые локоны на палец, пока ждала. Моя киска становилась все сочнее и сочнее. Я чувствовала, как каждая капелька стекает с моей киски по щечкам моей попки, чтобы растечься лужицей на столе, на котором я снова развалилась.

Я лежала и извивалась в образовавшемся мокром пятне. Это было так непристойно с моей стороны. Я была такой грешной блудницей. Пальцы ног подогнулись, когда я извивалась, трясь жопой об стол. Прохладный воздух целовал мою обнаженную плоть. Было что-то такое освобождающее от оков морали в том, чтобы быть голой вне ванной или моей спальни. Такой озорной кайф.

Сердце билось, как оглашенное, а уши работали как локаторы. Каждый шум вселял в меня надежду, что отец нашел мою записку. Я представила его в его кабинете, без воротничка, просматривающего чеки и наличные, пишущего в бухгалтерской книге, а затем — тот момент, когда он развернет мою купюру в 5 долларов и обнаружит записку.

http://erolate.com/book/2020/56098